

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

К.Е. НОВИКОВ

МИР-СИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА: АНАЛИЗ ИДЕЙНЫХ ИСТОКОВ СПОРНЫХ СУЖДЕНИЙ О РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее спорные аспекты мир-системной теории Иммануила Валлерстайна. Высказывается мнение, что пытаясь применить свою теоретическую модель к исторической реальности, Валлерстайн оказывается на грани между наукой и конспирологией. В частности, он называет Советский Союз «субимперской» державой, находящейся под тайным контролем США. Он также выдвигает тезис о некоем тайном соглашении между двумя сверхдержавами, которые якобы имитировали взаимную конфронтацию времен холодной войны с тем, чтобы скрыть подлинный характер своих взаимоотношений. Автор статьи пытается объяснить подобные утверждения в концепции Валлерстайна, обращаясь к более широкому контексту макросоциологической теории исследователя, а также уделяя внимание его политическим взглядам.

Ключевые слова: Иммануил Валлерстайн, мирсистемный анализ, гегемония, СССР, США, холодная война, теория зависимости, теория заговора.

I

Имя Иммануила Валлерстайна хорошо известно отечественному читателю. Многие его труды переведены на русский язык и проанализированы такими авторами как Борис Кагарлицкий, Андрей Фурсов, Марат Чешков и другие. Более того, понятийный аппарат, разработанный в трудах Валлерстайна и его последователей, прочно вошел в арсенал отечественной науки. Такие понятия, как «мир-система»,

---

Новиков Кирилл Евгеньевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории политической демографии и макросоциологической динамики при РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. **Телефон:** +7 (919) 967-13-71.
Электронная почта: kenovikov@yandex.ru

«периферия», «полупериферия», широко употребляются в отечественной литературе. Есть авторы, плодотворно развивающие теоретическое наследие Валлерстайна и успешно применяющие его идеи при анализе российских реалий и отечественной истории. Среди этих авторов можно назвать Г. Дерлугьяна, Б. Кагарлицкого. Вместе с тем суждения самого Валлерстайна о российской истории порой кажутся достаточно спорными и уже не раз подвергались критике. Особенно сомнительно всегда звучали его высказывания о том, что Советский Союз был «субимперской» державой, тайно находившейся под контролем США. Подобные спорные суждения могли бы считаться причудой эксцентричного гения, если бы они прямо не вытекали из постулатов теории Валлерстайна. Рассмотрим сами эти суждения и теоретические постулаты, на которых они основаны, и постараемся понять истоки спорных утверждений, касающихся российской истории второй половины прошлого века, в мир-системной теории Валлерстайна.

Концепция Валлерстайна опирается на весьма солидную традицию. Обычно говорят, что миросистемный анализ имеет три основных источника — классический марксизм, учение Фернана Броделя о мирах-экономиках и теорию зависимого развития. Так, К. Соринель полагает, что у К. Маркса Валлерстайн взял идеи противостояния труда и капитала, накопления капитала, а также понятия общественных формаций, таких как феодализм и капитализм, диалектический метод и многое другое. У школы «Анналов» Валлерстайн заимствовал идеи долгих исторических циклов и крупных хозяйственных регионов, объединенных торговыми связями, а у теоретиков зависимости — идею о противостоянии центра и периферии [17, p. 220].

В том, что в основе теоретического взгляда на мир, предложенного Валлерстайном, лежит марксистская парадигма, не сомневается никто из исследователей. С большой долей уверенности можно также говорить о том, что классик школы «Анналов» Ф. Бродель также работал в рамках этой парадигмы, хотя и внес существенные нововведения. Что же касается представителей теории зависимости, то практически все они были неомарксистами.

Ф. Бродель одним из первых ввел в научный оборот понятие «мир-экономика», впоследствии ставшее ключевой категорией миросистемного анализа. Бродель определял мир-экономику как «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмена придают определенное органическое единство» [1, с. 14]. Мировые экономики отделены друг от друга некими барьерами, пересекая которые оказывается невыгодным из-за слишком высоких издержек. Такими барьерами в прошлом служили пустыни, океаны, горные цепи и т. п. Мир-экономика имеет собственную пространственную

структуру и обладает динамикой развития, которая может быть описана как длительные циклы подъемов и спадов экономической конъюнктуры. Бродель полагал, что у мира-экономики должен быть центр — «сверхгород» или несколько «сверхгородов».

Уже после выхода первых работ Валлерстайна Ф. Бродель уточнял свою позицию: «Любой мир-экономика состоит из ряда концентрически расположенных зон. Срединную зону образует область, расположенная вокруг центра... Далее вокруг срединной зоны располагаются промежуточные зоны. И, наконец, следует весьма обширная периферия, которая в разделении труда, характеризующем мир-экономику, оказывается не участницей, а подчиненной и зависимой территорией. В таких периферийных зонах жизнь людей напоминает Чистилище или даже Ад. Достаточным же условием для этого является просто их географическое положение» [1, с. 86–87].

Идеи сторонников теории зависимости отчасти пересекались с идеями Ф. Броделя, поскольку также предполагали наличие географического измерения у социального неравенства. Возникновение теории зависимого развития принято относить к 1949 году, когда Рауль Пребиш и Ханс Зингер заговорили о постепенном ухудшении экономического положения слаборазвитых стран, что связано с тем, что соотношение цен на сырье и промышленную продукцию со временем изменяются в пользу последней. Тем самым Пребиш и Зингер выступили против популярной на Западе идеи о том, что страны Латинской Америки могут избавиться от хронической нищеты и отсталости, открыв свои рынки для иностранных товаров и сориентировав свое производство на мировой рынок. Пребиш ратовал за протекционистскую политику и за экономическую стратегию, направленную на импортзамещение. Позднее выводы Пребиша и Зингера были распространены на страны Азии и Африки, получившие независимость в XX веке.

Серьезное влияние на развитие идей Валлерстайна также оказали работы Андре Гундера Франка, который утверждал, что экономический успех и высокий уровень жизни капиталистических стран был оплачен веками эксплуатации трудовых и природных ресурсов стран, попавших в колониальную и постколониальную зависимость от Запада. Пожалуй, слова А.Г. Франка как нельзя лучше раскрывают символ веры сторонников теории зависимого развития: «Экономическая и политическая экспансия Европы XV века привела к инкорпорации ныне недоразвитых стран в единый поток мировой истории, который одновременно породил нынешнюю развитость одних стран и недоразвитость других» [Цит. по: 9]. С подобными идеями выступали также Самир Амин, Теотониу Дус Сантус и ряд других исследователей.

Не менее важную роль в становлении миросистемного подхода сыграли идеи Джона Фридмана, который, подобно Пребишу и Франку, изучал особенности развития стран Латинской Америки. Фридман

различал четыре экономико-географические зоны, которые можно обнаружить в любой стране. Он выделял регионы-ядра, в которых происходит большинство инноваций, концентрируется население и капитал; развивающиеся регионы, связанные с ядром и получающие от него импульсы к дальнейшему развитию; ресурсно-пограничные регионы, где происходит освоение новых ресурсов; и деградирующие регионы, где истощение ресурсной базы приводит к стагнации и экономической депрессии. Подобные регионы, по Фридману, могут быть обнаружены на уровне отдельных стран, территорий и даже в мировом масштабе.

Сама идея экономического районирования не была новой, поскольку модель, в которой развитие территорий увязывалось с их расположением по отношению к городскому центру, была предложена еще в 1826 году Иоганном Генрихом фон Тюненем. Однако Фридман был первым, кто распространил центр-периферическую модель устройства хозяйства отдельной страны на всю мировую систему. Вместе с тем работы Фридмана лишены того обвинительного пафоса, которым наполнены труды Франка и Амина, поскольку Фридман рассматривает ядро скорее как источник инноваций, чем как паразитическое образование, эксплуатирующее периферию. Валлерстайн, заимствовав модель Фридмана и порядком ее упростив, предпочел пойти за классиками теории зависимого развития в том, что касается негативной оценки роли ядра мира-системы.

Соединив концепцию мира-экономики с идеей эксплуатации периферии странами ядра, Валлерстайн создал собственную теоретическую парадигму, нацеленную на анализ больших исторических систем, обладающих собственными экономическими закономерностями и локализованных во времени и пространстве. Такой подход привел к отказу от многих категорий, без которых общественные науки ранее не могли обойтись. Прежде всего, Валлерстайн предложил отказаться от понятия общества, поскольку рассматривать отдельные государства, народы или культуры вне их места в общей мировой системе разделения труда представляется ему непродуктивным.

В качестве единицы анализа исследователь предложил использовать мир-систему, понимаемую как саморазвивающаяся целостность. Мир-система — это совокупность политически организованных и экономически взаимодействующих территорий, соединенных узами торговли и разделения труда. Мир-система понимается как один из двух возможных вариантов существования исторической системы. Первым вариантом такой системы признается мини-система, то есть замкнутая и самодовлеющая хозяйственная и социальная единица наподобие первобытного племени. Со временем мини-системы начинают выходить за собственные рамки, включаясь в процессы обменов

с другими, прежде замкнутыми хозяйственными организмами, что ведет к формированию миров-систем.

Валлерстайн выделяет два возможных типа миров-систем — это мир-империя и мир-экономика. Мир-империя объединен политической властью, которая поддерживает себя и, соответственно, единство самого мира-империи, взимая налоги с подвластных территорий. Мир-экономика представляет собой группу независимых государств, которые могут враждовать друг с другом, но при этом сохраняют устойчивые экономические связи. Миров-экономики существовали уже в глубокой древности, но рано или поздно одно из соперничавших государств подчиняло себе все остальные, и мир-экономика превращался в мир-империю, то есть экономическое единство трансформировалось в политическое. Однако около 1450 года на Западе Европы возник особый мир-экономика, который сумел выстоять и сохранить дробную политическую структуру. Валлерстайн писал: «В конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков, возникло то, что мы можем назвать европейским миром-экономикой. Этот мир не был империей, хотя по занимаемому пространству он соответствовал великой империи и имел некоторые ее черты. Это было нечто иное и новое... Это было экономическое единство, а не политическое, как в случае с империями, городами-государствами или национальными государствами... Основные связи между элементами этой системы носили экономический характер, хотя они и были до определенной степени подкреплены культурными связями, а также политическими соглашениями и даже конфедеративными структурами» [19, р. 15].

Европейский мир-экономика трансформировался в капиталистический мир-экономику, позволявший более эффективно накапливать капитал. Более того, накопление капитала стало основным смыслом существования этого мира-системы. В последующие века капиталистический мир-экономика распространился на все человечество, навязав ему собственную логику мироустройства. Суть этого мироустройства заключается в разделении всего мира на три зоны: ядро, полупериферию и периферию. Ядро представляет собой зону, где концентрируется капитал, накапливаемый в ходе экономической деятельности всего мира-экономики. Здесь располагаются государства, наиболее сильные в политическом и военном плане. Здесь же возникают новые технологии и развиваются наиболее сложные производства. В зоне ядра преобладает наемный труд, а уровень дохода населения достаточно высок.

Страны, сделавшиеся частью миросистемного ядра, вполне могут это ядро покинуть, поскольку между отдельными державами постоянно идет борьба за гегемонию и за экономические выгоды. В свое время Нидерланды уступили пальму первенства Великобритании,

которая, в свою очередь, уступила ее Соединенным Штатам, и каждый раз изменению баланса сил внутри ядра предшествовал грандиозный военный конфликт.

На другом полюсе мира-системы располагается периферия. Эта зона играет роль аграрно-сырьевой базы стран ядра. Ресурсы периферии добываются с использованием самых простых технологий и наиболее архаичных форм эксплуатации, включая разнообразные формы принудительного труда. Полупериферия объединяет в себе черты ядра и периферии и служит буфером между ними, придавая системе устойчивость. Трехуровневая структура мира-системы оказывается чрезвычайно прочной благодаря неэквивалентному обмену между ядром, полупериферией и периферией. Фактически часть прибавочного продукта, произведенного в странах периферии, присваивается странами ядра, что делает технологическое отставание периферии хроническим, а бедность ее населения — непреодолимой.

Ключевым пунктом концепции Валлерстайна является учение о гегемонии. Речь идет об особом состоянии мира-системы, когда внутри его ядра выделяется держава, обладающая всеми конкурентными преимуществами над соперниками. Становление гегемонии знаменует собой важнейшее событие в жизни мира-системы — смещение миросистемного центра из одной страны в другую. Поскольку Валлерстайн отвергает смены формаций внутри капиталистического мира-системы и, соответственно, отказывается говорить о буржуазных революциях, такие смещения центра оказываются главным проявлением внутренней динамики системы, наряду с ее расширением.

Исследователь определяет гегемонию следующим образом: «Понятие гегемонии в межгосударственной системе относится к такой ситуации, в которой продолжающееся соперничество между так называемыми “великими державами” настолько не сбалансировано, что одна держава оказывается поистине *primus inter pares*, то есть одна держава может в значительной степени навязывать свои правила и свои желания (по крайней мере эффективным использованием права вето) в экономической, политической, военной, дипломатической и даже культурной сферах» [3, с. 97].

Преимущество державы-гегемона становится настолько подавляющим, что «даже крупнейшие союзные государства являются *de facto* клиентельными государствами, а противостоящие крупнейшие государства ощущают свою относительную ущербность и занимают оборонительную позицию по отношению к державе-гегемону» [3, с. 97]. Появление держав-гегемонов Валлерстайн трактует как закономерный этап развития капиталистического мира-системы, причем механизм становления гегемонии описывается как чисто экономический. Страна становится гегемоном, когда предприятия, расположенные

на ее территории, начинают значительно опережать по своей эффективности предприятия других стран. Первым превосходства добиваются сельскохозяйственные производители, затем растет эффективность торговли, а в конце вперед вырывается финансовый сектор. Предприятия рвущейся вперед страны вытесняют конкурентов с внутреннего рынка, а затем приступают к захвату зарубежных рынков.

Поскольку европейский мир-экономика, зародившийся в «длинном XVI веке», по Валлерстайну, с самого начала имел капиталистическую природу, то на роль гегемонов выдвигаются страны с ярко выраженным преобладанием капиталистических отношений. Всего названо три случая мировой гегемонии: это гегемония Голландии (около 1620–1672 гг.), Великобритании (1815–1873 гг.) и США (1945–1967 гг.). Утверждению каждой из этих исторических гегемоний предшествовала большая война, продолжавшаяся около тридцати лет. Это были соответственно Тридцатилетняя война, войны периода Великой французской революции и две мировые войны XX века, трактуемые как противостояние Германии и США.

Между тем, внимательный взгляд на исторические события заставляет усомниться в правильности предложенной схемы. Прежде всего можно заметить, что Нидерланды в период своей предполагаемой гегемонии явно не располагали тем влиянием, о котором говорит Валлерстайн. Всеми чертами гегемона в XVI–XVII веках обладали Испания, Франция и Империя Габсбургов, которые, оставаясь феодальными государствами, вершили судьбы Европы и не раз ставили Нидерланды на грань уничтожения. Однако оптика Валлерстайна не позволяет заметить некапиталистических гегемонов. Впрочем, настоящие странности начинаются, когда речь заходит о Советском Союзе и гегемонии США. Согласно Валлерстайну, с начала XX века капиталистический мир-система становится глобальным, а его гегемоном в середине столетия становится Америка. Казалось бы, становление СССР в качестве мировой державы и возникновение социалистического лагеря явно противоречат такому представлению, ведь социализм позиционировал себя в качестве глобальной альтернативы капиталистическому строю, а значит, гегемония США не могла на него распространяться. Между тем, Валлерстайн рассматривает СССР, маоистский Китай и весь советский блок как полупериферийное явление, подчиненное миросистемному центру во главе с США.

Революция 1917 года, по Валлерстайну, вовсе не противопоставила советскую Россию остальному миру и даже не создала альтернативу капиталистическому миру-системе. Валлерстайн полагает, что подлинными революциями можно считать лишь те, что совпадают с моментами бифуркации, когда на свет может родиться новый мир-система. Такой революцией, с его точки зрения, были студенческие

волнения 1968 года, знаменовавшие закат нынешнего мира-системы, но вот Великая французская революция или русская революция 1917 года были куда более скромными явлениями, поскольку представляли собой лишь эпизоды в развитии капитализма. Вместе с тем 1917 год все же был отмечен двумя знаковыми событиями: президент США Вильсон и лидер большевиков Ленин сформулировали свои программы в отношении дальнейшего развития мировой периферии. При этом вильсонизм и ленинизм отличались лишь в деталях. Вильсонизм предполагал трансформацию колониальной периферии в систему национальных государств путем политических реформ, а ленинизм предлагал осуществить то же самое, только революционным путем. Далее предполагалось, что молодые национальные государства начнут развиваться в экономическом и культурном отношении, что приведет к победе над бедностью, голодом и прочими социальными язвами.

По мнению Валлерстайна, обе программы были глубоко порочны, поскольку несли в себе парадигму «девелопментализма» — представления, согласно которому страна периферии может догнать и в перспективе перегнать страны ядра. По Валлерстайну, такое не может произойти, поскольку в рамках капиталистического мира-системы на периферии развиваются только отсталость и бедность. Фактически, ленинизм и вильсонизм лишь сбивают людей с толку, что позволяет системе по-прежнему угнетать периферию, причем, если вильсонизм откровенно формулирует свою платформу от лица капиталистов ядра, то ленинизм играет роль дымовой завесы, маскирующей истинные цели капитала. Таким образом, по выражению Валлерстайна, «ленинская идеология была фиговым листком вильсонской идеологии» [6, с. 116].

Исходя из этих положений Валлерстайн строит свою концепцию истории СССР как «субимперской» державы, которая лишь на словах противостояла миру капитала, а на деле была весьма удобной и послушной полупериферией, помогавшей ядру держать периферию под ярмом, или даже частью ядра. Обосновать такую теорию весьма не просто, если учесть, что перипетии холодной войны дают множество примеров прямого и скрытого противостояния СССР и США, которое как минимум однажды, в 1962 году, едва не вылилось в глобальную термоядерную войну. Однако Валлерстайн разрабатывает собственную версию истории XX века, которая должна расставить все по местам в соответствии с его миросистемной доктриной.

Прежде всего, как утверждает исследователь, СССР и США нуждались друг в друге перед лицом военной угрозы со стороны Германии, причем осознавали это еще до войны. Обе мировые войны, по Валлерстайну, были «тридцатилетней войной» между Германией и США за мировую гегемонию, так что СССР фактически помогал

Америке стать гегемоном. В ходе войны, по убеждению Валлерстайна, имел место некий секретный сговор о будущем устройстве мира: «Понадобились гении Рузвельта и Сталина, чтобы найти формулу, которая, к добру или к худу, сделала возможным дальнейшее сотрудничество предполагаемых идеологических врагов, состоявших в симбиотической связи» [18, р. 6].

Стороны не просто договорились о разделе сфер влияния, они договорились об условиях становления гегемонии США. С 1945 года эта гегемония стояла на «двух военных опорах». Первая — это блок НАТО, а вторая — «соглашение с СССР о том, что эта военная сила никогда не будет применена в войне, в которой нельзя победить (и проиграть) — ядерной войне в Европе» [18, р. 6]. Тем самым Валлерстайн утверждает, что в Москве и Вашингтоне с самого начала холодной войны знали, что атомной войны не будет, по крайней мере, на европейском театре военных действий. Подтверждений этому нет, а история военной напряженности в Европе говорит об обратном: достаточно вспомнить Берлинский кризис 1948–1949 годов, не говоря уже о Карибском кризисе. Впрочем, Валлерстайн идет еще дальше, предполагая, что вся холодная война была лишь грандиозной «операцией прикрытия» истинной природы международных отношений: «Преувеличенное внимание общественности к военным аспектам тупика холодной войны помогало скрывать важнейшую политико-экономическую сделку, которая поддерживала европейское равновесие 1945–1989 гг.» [18, р. 6].

Валлерстайн перечисляет выгоды, которые СССР получил от тайной сделки с США. Во-первых, Москва получила возможность эксплуатировать страны Восточной Европы, что звучит вполне правдоподобно. Но вот какова вторая выгода: «СССР получил военный щит, заслоняющий его от возрождающейся Германии (что казалось необходимым исходя из ошибочного, но психологически оправданного прочтения геополитических реалий, сложившихся после 1945 года)» [18, р. 7]. Получается, что СССР в 1945 году так боялся разгромленную Германию, четвертую часть которой сам же оккупировал, что помог формированию блока НАТО, дабы заслониться щитом от оставшихся трех четвертей, которые, кстати, в итоге вошли в этот самый блок.

Третья выгода заключается в том, что Советский Союз получил возможность «сдерживать (даже подавлять) революционные социалистические тенденции в Восточной Европе, в Западной Европе и во всем мире» [18, р. 7]. Сама необходимость для СССР подавлять социалистические движения объясняется тем, что Сталин якобы хотел сохранить «монополию на коммунистический дискурс». Соединенные Штаты, в свою очередь, также получили немало выгод, одна из

которых заключалась в том, что им не пришлось поднимать из руин страны советского блока. При этом, по Валлерстайну, США знали, что «позднее не составит труда затянуть эту зону обратно в товарные цепи мира-экономики» [18, р. 7]. Можно лишь удивляться прозорливости американских лидеров на фоне странной близорукости советских вождей, которыми двигали страх перед оккупированной Германией и причуды Сталина.

Система рассуждений, использованная для создания концепции американо-советского сговора, как представляется, мало чем отличается от типичной теории заговора. Автор концепции смело апеллирует к некоему детально проработанному плану, рассчитанному на десятилетия, который при этом все эти годы остается втайне от непосвященных. Общеизвестные исторические события оказываются лишь ширмой, маскирующей правду. Ширма оказывается воистину грандиозной, поскольку должна включать все события холодной войны, в том числе военные действия в Корее, во Вьетнаме, в Афганистане и т. д. К тому же имеются постоянные переходы с одного уровня рассуждений на другой. Речь идет то о закономерностях миросистемного масштаба, то о «гении» Рузвельта и Сталина или о личном желании Сталина сохранить монополию на коммунизм.

Вряд ли можно считать, что тезис Валлерстайна о подчиненном положении СССР в период предполагаемой американской гегемонии, получил достаточное обоснование. Скорее придется признать, что гегемония США была ограничена сферой влияния другой гегемонистской державы — Советского Союза, который представлял собой центр альтернативной системы государств, вышедших из-под влияния капиталистического мира. Последнее утверждение может быть обосновано даже в рамках рассуждений самого Валлерстайна. Поскольку расширение капиталистического мира-системы трактуется как экспансия капитала на новые территории, Советский Союз просто не мог оставаться частью этой системы, так как в период свертывания НЭПа фактически закрылся от иностранных инвестиций, а после войны еще и отказался от плана Маршалла.

Возникновение элементов теории заговора в стройной теоретической системе, призванной объяснить фундаментальные закономерности исторического развития, ставит перед исследователями важный методологический вопрос: насколько случайным оказывается появление подобных рассуждений в рамках предложенной концепции? Какие видимые, или скрытые теоретические и идеологические постулаты заставили Валлерстайна формулировать откровенно спорные утверждения?

II

Современная историческая система, о которой говорит Валлерстайн, имеет свое временное и пространственное измерение, а также

наделена некоторым качеством, которое позволяют говорить о ней как о капиталистической. Капитализм Валлерстайна достаточно далек от традиционного марксистского понимания, поскольку исследователь готов считать частью капиталистического мира-экономики любую страну, работающую на мировой рынок, вне зависимости от особенностей производственных отношений внутри нее.

В его концепции капитализм не является укладом, существующим на одном из этажей экономики. Валлерстайн предпочитает говорить об «историческом капитализме», то есть о целой эпохе, в которую интересы накопления превалируют над любыми другими соображениями. Фактически исторический капитализм отождествляется с капиталистическим миром-экономикой и миром-системой, поскольку имеет те же пространственно-временные характеристики: «Таким образом, — пишет Валлерстайн, — исторический капитализм — это конкретный, ограниченный во времени и пространстве целостный локус производственной деятельности, в котором бесконечное накопление капитала является экономической целью, “законом”, управляющим или преобладающим в основных формах экономической деятельности. Это — социальная система, в которой именно те, кто действует по ее правилам, оказывают решающее влияние на социальное целое и задают некие условия, а все остальные должны либо приспособливаться к ним, либо пенять на себя» [4, с. 80].

Валлерстайн указывает довольно много характеристик капитализма, среди которых — товаризация труда, концентрация производительных сил в руках немногих, наличие потребительского рынка, способного поглотить произведенный товар и многое другое. И все же основным отличием капитализма он раз за разом называет ориентацию на получение прибыли, что многими исследователями воспринимается как особая морально-психологическая установка.

Такая концепция капитализма не могла не вызвать серьезную критику со стороны научного сообщества. В частности, А.Г. Франк утверждал, что стремление к получению прибыли было присуще людям задолго до XVI века и далеко за пределами Европы [13, р. 203]. А. Савченко подкрепляет этот аргумент ссылкой на авторитет Дж. Кейнса, который, как известно, некоторое время проработал в Индии и имел возможность познакомиться с экономикой неевропейского типа. Кейнс утверждал, что накопление не только не способствует экономическому росту, но и тормозит его, поскольку ограничивает инвестиционную активность [16, р. 1042]. Нельзя сказать, чтобы Валлерстайн не предвидел подобных возражений. Говоря о стремлении к накоплению, он неоднократно подчеркивал, что имеет в виду также стремление к инвестированию ради расширенного накопления. Таким образом, помимо моральной санкции на приобретение

богатства в основе капитализма лежит специфическая идея о том, что, вложив средства в некое предприятие, можно накопить больше средств, чем просто набивая сокровищницу.

Отсылка к моральным и культурным аспектам экономической деятельности не могла не вызывать ассоциаций с веберовским духом капитализма, что, в частности, позволяет К. Соринелю методологически ставить Валлерстайна «где-то между Марксом и Вебером» [17, р. 220]. Сам Валлерстайн подчеркивал, что моральная патология капитализма обрела существование и смогла легитимизироваться с помощью «веберовского исключительного стечения обстоятельств», среди которых заметную роль играла «необычная религиозная традиция» протестантизма [3, с. 67].

Моральный аспект концепции становится еще более заметным, когда Валлерстайн пытается составить «балансовый отчет» исторического капитализма. Ученый утверждает, что качество жизни огромной массы населения планеты — около 85% ее жителей — заметно ухудшилось за последние несколько столетий. Имело место не только относительное обнищание по сравнению с растущим уровнем жизни населения стран ядра. Произошло также абсолютное обнищание, что выразилось в ухудшении условий труда, распространении трущоб, гражданских войнах и т. п. При этом, по Валлерстайну, «моральный вопрос заключается в том, приемлем ли даже относительный растущий разрыв» в качестве жизни [4, с. 149]. Таким образом, веберовский дух капитализма оказывается весьма порочным из-за того, что несчастных людей предположительно больше, чем счастливых, и к тому же несчастье должно переживаться более интенсивно, чем в иных эпохах. Можно сказать, что в этом смысле Валлерстайн становится на позицию классика утилитаризма Джереми Бентама, который еще в XIX веке провозгласил, что морально то, что «приносит наибольшее счастье наибольшему количеству людей».

Если моральная сущность капитализма описывается с утилитаристских позиций, то динамика его развития выглядит вполне погегельянски. Капиталистический мир-экономика сумел распространиться на весь мир потому, что капиталовложения в одном и том же регионе постепенно переставали приносить прежний доход, поскольку росли издержки на зарплату рабочих, увеличивалось число конкурентов и т. п. Капиталисты начинали делать инвестиции в других регионах, что вело к расширению мира-экономики. Тем самым дух капитализма саморазвертывался в пространстве и времени в соответствии с собственной диалектикой, подобно абсолютному духу Гегеля.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что концепция Валлерстайна, призванная объяснить последние несколько столетий человеческой истории, на деле является не такой экономоцентрической,

как может показаться. Скорее здесь перед нами специфический вариант цивилизационной теории, причем Валлерстайн нередко напрямую говорит о «капиталистической цивилизации». В основе исторической системы, сложившейся в Западной Европе, оказывается капитализм, который в свою очередь понимается как культурный феномен, подталкивающий к определенному рода моральным выборам. Более того, созданный капитализмом мир-система, с одной стороны, связывается с конкретной группой стран, а с другой стороны, признается репрессивным, разрушительным и несущим абсолютное и относительное обнищание огромному большинству людей. Тем самым Валлерстайн повествует о довольно злобещей цивилизации, навязавшей всему миру свое грехопадение. Таким образом, виктимизация европейского человечества оказывается важной частью всей теории. Представляется, что истоки такого подхода кроются в общей биографии западного левого движения.

III

Как представляется, мысль о виновности европейского человечества перед всем остальным миром зародилась вскоре после революции 1917 года, когда ожидавшаяся радикалами мировая революция так и не состоялась. Троцкий неоднократно отмечал, что революция добилась бы большего успеха, если бы ее поддержал европейский пролетариат, и многочисленные его сторонники развивали ту же мысль. Постепенно в среде троцкистов зрело убеждение, что бюрократизация советского общества и сталинская диктатура также стали следствием пассивности западного рабочего класса. Так, видный троцкист Эрнест Мандель, писавший одно время под псевдонимом Эрнест Жермен, утверждал, что ко всем этим бедам привел спад революционной волны в Германии, Великобритании и других странах: «...победа хотя бы одной из этих революций полностью изменила бы соотношение сил между бюрократией и пролетариатом в СССР» [14]. Уже тогда в среде левых радикалов начала зреть обида на европейский пролетариат и в целом на свое «обуржуазившееся» население.

Революционную пассивность класса, который, согласно марксистской теории, должен был быть революционным, нужно было как-то объяснить, и вскоре объяснение появилось. Антонио Грамши предложил гипотезу, по которой европейский пролетариат находится под идеологическим контролем буржуазного гражданского общества, осуществляющего свою классовую гегемонию через систему религиозных, образовательных, культурных учреждений, СМИ и т. п. Из этого учения следовало, что угнетенные хотя бы временно находятся на одной стороне с угнетателями и вовсе не хотят «освободиться» по рецептам, предложенным социалистами.

Эти идеи были восприняты представителями Франкфуртской школы. Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер усмотрели корни морального

порабощения масс в европейском Просвещении и, в конечном счете, в европейском типе рациональности. С их точки зрения, эмансипация человеческого разума в XVII–XVIII веках привела к антагонистическому отношению к природе, которую отныне надлежало покорить и поработить. В конечном итоге это привело к духовному порабощению самого человека, извратило его естество и стало прологом к полной дегуманизации, имевшей место в тоталитарных режимах XX века. Последователи Адорно и Хоркхаймера, такие как Герберт Маркузе и Эрих Фромм, также полагали, что в самом культурном ядре европейской цивилизации Нового Времени находится нечто глубоко порочное.

Э. Фромм полагал, что до XIX века даже в Англии господствовал принцип, «согласно которому общество и экономика существуют для человека, а не человек для них» [10, с. 116], но в XIX веке утвердился новая модель поведения, в которой «любая экономическая деятельность преследует единственную цель — прибыль» [10, с. 121]. Ориентацию на прибыль, обладание и потребление Фромм однозначно связывает с концептом «анального характера», который, в свою очередь, связывается с «буржуазным обществом XIX века, в котором качества, присущие анальному характеру, были возведены в норму морального поведения» [11, с. 130]. Аналитическая рациональность и развитие техники увязываются с еще более тяжелым расстройством личности — некрофилией. Тем самым Фромм обнаруживает психические отклонения в самом «социальном характере» европейцев Нового Времени. Разумеется, эта анально-некрофильская патология в культурном коде целой цивилизации губит вокруг себя все живое: «Установка на эксплуатацию и стремление к накопительству были причиной человеческих страданий и неуважения к достоинству человека, — утверждает Фромм. — Эта установка побудила Европу безжалостно эксплуатировать Африку, Азию и собственный рабочий класс, нимало не считаясь с человеческими ценностями» [10, с. 136]. Фромм также вводит понятие «общества потребления» и показывает, что на Западе представители низов становятся соучастниками дегуманизирующей деятельности капитала, приобщаясь к буржуазным ценностям.

Связь рассуждений Валлерстайна с идеями Фромма кажется достаточно очевидной, поскольку Валлерстайн точно так же повествует о крушении традиционной «моральной экономики» и становлении порочного духа капитализма с последующей его всемирной экспансией, превращающей западное общество в коллективного эксплуататора. Не менее заметна связь идей Валлерстайна с учением Г. Маркузе, который объявил благосостояние западного общества главным препятствием на пути к социалистической революции.

Согласно Маркузе, индустриальное общество является «царством комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы» [7, с. 17], в котором постоянно повышающийся уровень потребления служит средством общественного контроля. Свободные СМИ, демократические институты, наука, искусство и сами практики промышленного производства навязывают человеку систему ложных взглядов и ложных потребностей. Рост благосостояния трактуется как идеологическая ловушка, работающая в интересах идейной гегемонии буржуазии. Иными словами, если ранее государство и правящий класс обманывали массы с тем, чтобы не делиться с ними общественными богатствами, то теперь они делятся этими богатствами с тем, чтобы обманывать. Итогом рассуждений снова оказывается мысль о соучастии западных масс в деле поддержания капиталистической системы. В результате социалисты оказываются противопоставленными населению как консервативной силе: «Вывод: в условиях псевдодемократии мы противопоставлены большинству, которое опирается, по-видимому, само на себя и которое, будучи консервативным большинством, по-видимому, самовоспроизводится, обладая иммунитетом ко всяким радикальным изменениям» [8].

Валлерстайн также говорит о массовом пособничестве капиталистической системе со стороны жителей ядра и даже полупериферии, в особенности со стороны «кадров», то есть ученых, специалистов, деятелей культуры и прочих представителей интеллектуальной элиты, которые не дают миру-системе рухнуть. Его рассуждения порой выглядят как парафраз учений Грамши и Маркузе. Так, он говорит о двух механизмах, поддерживающих мировой капитализм. Первый механизм — это военная мощь. «Второй механизм — проникающая сила идеологической приверженности системе в целом... Я имею в виду степень, — пишет Валлерстайн, — в которой персонал, или специалисты, или кадры системы (я оставляю этот термин намеренно непоясненным) ощущают, что их благосостояние является производным от выживания системы как таковой и от компетентности ее лидеров. Именно этот персонал является теми, кто не только проповедует мифы, но и верит в них» [3, с. 42].

Идеи Франкфуртской школы, а также Луи Альтюссера, Ги Дебора и ряда других мыслителей заложили идеологическую основу для студенческих протестов 1968 года, снабдив молодых бунтарей представлением о том, что потенциальные союзники их революции должны жить за пределом развитых стран. Надежды на привлечение на свою сторону жителей стран третьего мира оказались тем сильнее, чем сильнее было разочарование от первых лет независимости постколониальных стран. Политической независимости было явно недостаточно, чтобы за несколько лет сравняться с развитыми государствами,

имея за спиной сотни и даже тысячи лет социальной и экономической стагнации. Стали популярны революционные фигуры из третьего мира, такие как Че Гевара и Мао Цзэдун. Последний, кстати, предложил собственную центрально-периферическую систему мироустройства и развил на ее основе теорию мировой революции: «мировая деревня окружает мировой город».

Советский Союз, напротив, сильно разочаровал бунтующих, поскольку грубо подавил Пражскую весну. Многие поэтому заговорили о тайном сговоре между СССР и США, а также о том, что СССР является частью капиталистического мира, хотя и скрывает этот факт. Европейские троцкисты к тому времени уже располагали подходящими теориями. Британский троцкист Тони Клифф полагал, что в СССР установился «государственный капитализм», в котором бюрократия играет роль коллективного капиталиста, эксплуатирующего трудящихся. Он полагал, что Советский Союз является частью капиталистического мира, поскольку включен в мировую систему обменов. В результате «сталинисты принимают решения, основываясь на факторах, находящихся за пределами их контроля, то есть на факторах мировой экономики, мировой конкуренции. С этой точки зрения, государство в России находится в том же положении, что и владелец отдельного капиталистического предприятия, конкурирующего с другими предприятиями» [13, р. 159]. Клифф активно развивал эти идеи еще с конца 1940-х годов, а в 1968 г. его работы стали особенно востребованы, как и весь троцкистский дискурс, так что Валлерстайн, судя по всему, был знаком с его идеями. Так или иначе, идея подчиненности СССР капиталистической системе аргументируется у Валлерстайна примерно таким же образом.

1968 год стал переломным годом в биографии Валлерстайна. Ученый активно откликнулся на молодежные волнения и впоследствии был вынужден провести несколько лет в Канаде, поскольку в США его считали неблагонадежным. С тех пор «мировая революция 1968 года» стала, по выражению Андрея Фурсова, «священным мифом мир-системного анализа» [12, с. 54]. Валлерстайн считает, что с 1968 года начался обратный отсчет падения капитализма. Именно тогда рухнула американская гегемония, прекратилась идеологическая гегемония либерализма, а контроль центра над периферией якобы ослаб. А. Фурсов последовательно критикует положения Валлерстайна, относящиеся к его «мировой революции». Действительно, говорить о конце гегемонии США представляется преждевременным даже в 2015 году, да и пророчество о смерти либерального дискурса накануне неолиберального триумфа 1980-х годов оказалось несостоятельным.

Труды Валлерстайна выглядят как пространная апология идей 1968 года. В его концепции мечты и смелые политические проекты

леворадикального студенчества обретают академическую весомость и претендуют на теоретические обобщения высочайшего уровня. Мыслители, оказавшие серьезное идеологическое влияние на Валлерстайна, будь то троцкисты, маоисты или представители Франкфуртской школы, были политически мотивированы не меньше, чем бунтующие студенты. Сам Валлерстайн также никогда не скрывал своих политических взглядов. Напротив, он открыто высказывался в стиле «кто не с нами, тот против нас»: «Я не собираюсь проповедовать здесь какую-либо веру. Те, кто желают принять учение, примут его. А те, кто нет, будут бороться с ним. Скорее я хотел бы предложить тем, кто стремится к пониманию переживаемого нами перехода от капитализма к социализму программу интеллектуального труда, и таким образом содействовать его осуществлению» [5, с. 23]. Как можно заметить, речь здесь идет не о научной теории, а об «учении», или точнее, о пророчестве, которое сбудется, если приложить соответствующие усилия. При таком подходе к делу становится совершенно неважно, насколько убедительными окажутся аргументы и насколько аккуратно изложены исторические факты. В конечном итоге построение социализма спишет все погрешности теории.

***

Итак, в основе исследовательской парадигмы Валлерстайна, как было показано, лежит веберовское представление об особом духе капитализма как наборе жизненных установок, которые рассматриваются в качестве культурного ядра западной цивилизации, смещающего побудительные мотивы людей в сторону деятельности, направленной на извлечение прибыли. Капиталистическая цивилизация развивается в пространстве и во времени, разрушая на пути все другие цивилизации — миры-империи и мини-системы, которые, как представляется автору, жили по более человечным законам моральной экономики. Поскольку развитие капиталистического мира-экономики рассматривается как главный сюжет истории последних веков, предлагается особая исследовательская оптика, позволяющая различать явления, которые относятся к этому процессу.

Полученный результат оказывается весьма спорным в целом ряде пунктов. В частности, ставка на выявление системы географического разделения труда заставляет игнорировать значимые структурные изменения внутри отдельных обществ, лишая их исторической субъектности. Описание истории борьбы за гегемонию и вовсе содержит значительное количество натяжек, временами доходящих до уровня теории заговора. В частности, Валлерстайн настаивает на том, что холодная война была лишь прикрытием для выстраивания отношений господства и подчинения между США и СССР. Все это вкупе с постоянным морализаторством было бы странно видеть в научной теории,

зато вполне естественно смотрится в жанре политической агитации. В результате в научных текстах автора миросистемной теории появляются утверждения, слабо коррелирующие с исторической реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. — 679 с.
2. *Бродель Ф.* Динамика капитализма / Пер. с франц. М.: Смоленск: ТОО «Полиграмма», 1993. — 123 с.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Унив. кн. 2001. — 416 с.
4. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / Пер. с англ. М.: КМК, 2008. — 176 с.
5. *Валлерстайн И.* Модернизация: мир праху ее // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 2. С. 21–25.
6. *Валлерстайн И.* После либерализма / Пер. с англ.; Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
7. *Маркузе Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе; Пер. с англ. А.А. Юдина. М.: «АСТ», 2003. — 528 с.
8. *Маркузе Г.* К ситуации новых левых [электронный ресурс]. Дата обращения 30.07.2014. URL: <http://scepsis.ru/library/id_2570.html>.
9. *Семенов Ю.И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: Соврем. тетради, 2003 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.07.2014. URL: <http://scepsis.ru/library/id_1086.html#a213>.
10. *Фромм Э.* Здоровое общество / Э. Фромм; Пер. с англ. Т. Банкетовой. М.: «АСТ», 2006. — 544 с.
11. *Фромм Э.* Иметь или быть / Пер. с англ. Э.М. Телятниковой. М.: «АСТ», 2010. — 320 с.
12. *Фурсов А.И.* Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануила Валлерстайна и мир-системном анализе) // Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / Пер. с англ. К.А. Фурсова; Предисл., послесл., науч. ред. А.И. Фурсова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. С. 6–73.
13. *Cliff T.* Russia: A marxist analysis. London: Intern. Socialism, 1970. — 383 p.
14. *Frank A.G.* Transitional ideological modes; feudalism, capitalism, socialism // The World System. Five hundred years or five thousand? / Ed. by A.G. Frank, B.K. Gills. London: Routledge, 1993. P. 200–221.
15. *Germain E.* The theory of “State Capitalism” [online]. Date of access 30.07.2014. URL: <<http://marxists.org/archive/mandel/1951/06/statecap.htm>>.
16. *Savchenko A.* Constructing a world fit for Marxixm – Utopia and utopistics of Professor Wallerstein // American journal of economics and sociology. November, 2007. Vol. 66. No. 5. P. 1033–1052.
17. *Soriel C.* Immanuel Wallerstein’s World System theory // Annals of the University of Oradea, Economic Science Series. 2010. Vol. 19. P. 220–224.

18. *Wallerstein I.* Geopolitics and geoculture: Essays on the changing world-system. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1991. — 252 p.
19. *Wallerstein I.* The modern world-system. Vol. I: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. San Diego: Academic Press, 1974. — 440 p.

Дата поступления: 30.07.2014.

K.E. NOVIKOV

Novikov Kirill Evgenievich — Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Associate of the International Laboratory of Political Demography and Macro-Sociological Dynamics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russian Federation. **Phone:** +7 (919) 967-13-71.

Email: kenovikov@yandex.ru

**WORLD-SYSTEM THEORY BY IMMANUEL WALLERSTEIN:
AN ANALYSIS OF THE IDEOLOGICAL BACKGROUND
OF SOME CONTROVERSIAL ASSERTIONS ON RUSSIAN HISTORY
BY I. WALLERSTEIN**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the most controversial aspects of the world-system theory by Immanuel Wallerstein. Trying to force the real world history into the frame of his theoretical model Wallerstein is balancing on the thin line between science and conspiracy. He brands the Soviet Union as a 'subimperial' power under a secretive control of the United States. He puts forward a very dubious and poorly reasoned theory about an obscure agreement between the two superpowers to imitate the Cold War era hostility just to veil the true nature of their relations. Such an approach makes Wallerstein ignore or distort some historical facts and put forward several unprovable guesstimates. The author of this article makes an attempt to explain the weakness of this hypothesis by applying to the broader context of the Wallerstein's theory. The Wallersteinean conceptualization of hegemony is being questioned as misinterpreting the historical facts. His theory of hegemony fails to explain the struggle between the non-capitalist countries for the world domination because it recognizes only the capitalistic hegemons. This approach is deeply rooted in the very essence of the Wallersteinean world-system theory. Finally the Wallerstein's theory is criticized for being politically biased.

Keyword: Immanuel Wallerstein, world-system, hegemony, USSR, USA, Cold War, dependence theory, conspiracy theory.

REFERENCES

1. Brodel' F. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. T. 3. Vremja mira. Moskva: Progress, 1992. — 679 s. (In Russ.)
2. Brodel' F. Dinamika kapitalizma. [Per. s franc.]. Moskva: Smolensk: TOO «Poligramma», 1993. — 123 s. (In Russ.)
3. Vallerstajin I. Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire. Sankt-Peterburg.: Univ. kn. 2001. — 416 s. (In Russ.)
4. Vallerstajin I. Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaja civilizacija. Moskva: KMK, 2008. — 176 s. (In Russ.)
5. Vallerstajin I. *Modernizacija: mir prahu ee.* Sociologija: Teorija, metody, marketing. 2008. № 2. S. 21–25. (In Russ.)
6. Vallerstajin I. Posle liberalizma. Moskva: Editorial URSS, 2003. — 256 s. (In Russ.)

7. Markuze G. *Odnomernyj chelovek*. Moskva: «AST», 2003. — 528 s. (In Russ.)
8. Markuze G. K situacii novyh levyh [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 30.07.2014. URL: <http://scepsis.ru/library/id_2570.html>. (In Russ.)
9. Semenov Ju.I. *Filosofija istorii: Obshhaja teorija, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnei*. Moskva: Sovrem. tetradi, 2003 [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 30.07.2014. URL: <http://scepsis.ru/library/id_1086.html#a213>. (In Russ.)
10. Fromm Je. *Zdorovoe obshhestvo*. [Je. Fromm; Per. s angl. T. Banketovoj]. Moskva: «AST», 2006. — 544 s. (In Russ.)
11. Fromm Je. *Imet' ili byt'*. [Per. s angl. Je.M. Teljatnikovoj]. Moskva: «AST», 2010. — 320 s. (In Russ.)
12. Fursov A.I. *Kapitalizm skvoz' prizmu mir-sistemnogo analiza (o rabotah Immanuila Vallerstajna i mir-sistemnom analize)*. Vallerstajn I. *Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaja civilizacija*. [Per. s angl. K.A. Fursova; Predisl., poslesl., nauch. red. A.I. Fursova]. Moskva: Tovarishhestvo nauchnyh izdaniy KMK, 2008. S. 6–73. (In Russ.)
13. Cliff T. *Russia: A marxist analysis*. L.: Intern. Socialism, 1970. — 383 p.
14. Frank A.G. *Transitional ideological modes; feudalism, capitalism, socialism*. The World System. Five hundred years or five thousand? Ed. by A.G. Frank, B.K. Gills. L.: Routledge, 1993. P. 200–221.
15. Germain E. *The theory of “State Capitalism”* [online]. Date of access 30.07.2014. URL: <<http://marxists.org/archive/mandel/1951/06/statecap.htm>>.
16. Savchenko A. *Constructing a world fit for Marxixm — Utopia and utopistics of Professor Wallerstein*. *American journal of economics and sociology*. November, 2007. Vol. 66. No. 5. P. 1033–1052.
17. Soriel C. *Immanuel Wallerstein's World System theory*. *Annals of the University of Oradea, Economic Science Series*. 2010. Vol. 19. P. 220–224.
18. Wallerstein I. *Geopolitics and geoculture: Essays on the changing world-system*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1991. — 252 p.
19. Wallerstein I. *The modern world-system. Vol. I: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*. San Diego: Academic Press, 1974. — 440 p.

Received: 30.07.2014